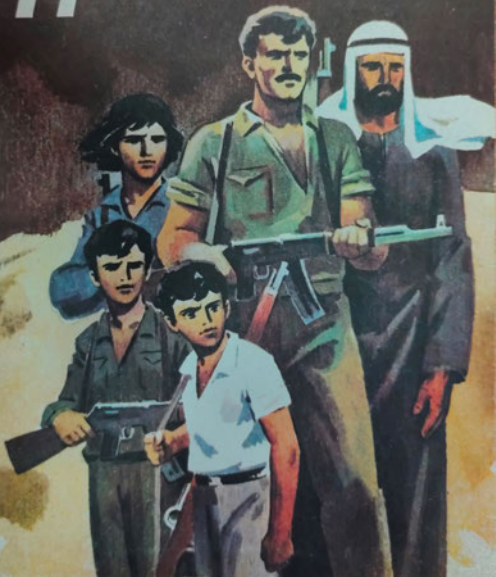


МАРИЯ
ЗАЛЮБОВСКАЯ

У НИХ ОТНЯЛИ ДЕТСТВО



Мария Ефимовна Залубовская
У НИХ ОТНЯЛИ ДЕТСТВО
Повесть в новеллах

Для среднего школьного возраста

Художественное оформление Евгения Евгеньевича Коглара

Рецензент и автор вступительного слова Виталий Алексеевич Коротач

Редактор Л. С. Каткова. Художественный редактор Е. А. Ильницкий.

Технический редактор Е. П. Дворская. Корректоры Т. М. Тютюккая,

З. Н. Колышченко.

Информ. бланк 3141

Сдано в набор 08.04.83. Подписано в печать 17.06.83. ВФ 51590. Формат 84×106/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура школьная. Печать эм-сокая. Усл. печ. л. 2,52+2 вкл. (0,43) — 2,94. Усл. кр.-эт. 3,78. Уч.-изд. л. 2,66+2 вкл. (0,16) — 2,82. Тираж 65 000 экз. Заказ 3—1127. Цена 10 к. Издательство «Веселка», 252050, Киев-50, Мельникова, 63. Головные пред-приятия республиканского производственного объединения «Политграф-кинг», 252057, Киев-57, ул. Довженко, 3.



**МАРИЯ
ЗАЛЮБОВСКАЯ**

У НИХ ОТНЯЛИ ДЕТСТВО



ПОВЕСТЬ В НОВЕЛЛАХ

Для среднего школьного возраста

Художественное оформление
ЕВГЕНИЯ КОТЛЯРА

КИЕВ «ВЕСЕЛКА» 1983

В сентябре прошлого года по приглашению ЦК ВЛКСМ в Артеке отдыхали дети палестинских и ливанских патриотов. О встречах, беседах с ними рассказала в своей книге украинская советская журналистка.

Рецензент
и автор вступительного слова
ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ

Залюбовская М. Е.

В-25 У них отняли детство: Повесть в новеллах. Для сред. школ. возраста. / Худож. оформ. Е. Е. Котляра; Рецензент и авт. вступ. слова В. А. Коротич. — К : Веселка, 1983. — 48 с., ил.

Книжка украинской советской журналистки о встречах с палестинскими и ливанскими детьми.

4802010000—164
3 М206(04)—83 БЗ—20—13.83

P2

Дети, которые рождаются сегодня, войдут в третье тысячелетие нашей эры совсем молодыми людьми: большинство из них не закончит даже средней школы. Скавав это, я подумал, что в этом прогнозе — обычное отношение к детям, которые живут по-нашему, по-советски: каждый день ходят в школу, радуются возвращению с работы родителей, видят над головой чистое небо и твердо верят в мир и справедливость. А ведь для того, чтобы все было именно так, их дедам нужно было много лет назад совершить революцию, одолеть много всякой неправды и несправедливости. Советские люди сумели сделать это, хоть им довелось заплатить за свое счастье и волю десятками миллионов жизней самоотверженных и смелых героев. Нелегко далось нам сегодняшнее счастье — потому так хорошо понимаем мы тех, кто борется сейчас за свободу и счастье своего народа против угнетателей и захватчиков.

Всякое большое счастье дается нелегкой борьбой. Так же, как нашим дедам и прадедам мешали в свое время строить социализм, побеждать угнетателей, так и сегодня многие народы на планете в тяжелой борьбе завоевывают право на свободу и справедливость в своем доме. Народ Палестины — один из наиболее многострадальных. Много лет назад изгнанный израильскими захватчиками из своей отчины, он скитается по ближневосточным лагерям, подчас очень похожим на гитлеровские концентрационные, мечтает о мирной жизни, о счастливом детстве для своих детей. Израильские захватчики бомбят, обстреливают палестинские поселения из новейшего американского оружия, организуют массовые убийства палестинцев, как это было в ливанской столице Бейруте, захваченной ими в результате агрессии.

Но справедливое дело палестинцев непобедимо. Многие палестинские мальчики и девочки стали сегодня героями своего народа — вместе со взрослыми поднялись они на борьбу с врагами своей родины. Им было бы, возможно, намного тяжелее, если бы они не были

уверены, что у них есть надежный друг — могучий Советский Союз. Мы помогаем им учиться, лечим, приглашаем на отдых — пусть готовятся к самостоятельной жизни в будущей свободной и мирной палестинской державе. Так же, как когда-то наши отцы с открытой душой принимали детей испанских борцов против фашистской диктатуры, так и мы помогаем английским, палестинским сиротам, детям латиноамериканских стран, народ которых восстал против угнетателей. Насмотревшись на вражеские танки и пулеметы, привыкнув к навязанной им ненависти, юные палестинцы приезжают к нам, чтобы увидеть страну, где у трудящихся есть счастливое будущее, а у детей — столько радостных дней. Палестинцы счастливы, что вы, юные советские граждане, помогаете им от всего сердца, щедро делитесь с ними богатствами своей земли, своей души. Уроки дружбы народов, подлинного интернационализма ярки и убедительны.

Знать об этом очень важно, читать — интересно, особенно если рассказ так искренен и предметен, как в книге, которую вы только что открыли.

ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ,
член президиума Советского комитета
защиты мира

ПРЕДЫСТОРИЯ ГОРЯ

Вот уже более трех десятилетий на страницах газет всего мира мелькают слова из полузабытого лексикона времен второй мировой войны: «тотальное истребление», «садистские пытки», «номерные штампы на руках», «обыски, облавы, преследования, террор»... Вот уже более трех десятилетий люди мира с тревогой и болью следят за трагическими событиями, происходящими на Ближнем Востоке.

Вспомним, как все это начиналось.

29 ноября 1947 года по решению Генеральной Ассамблеи ООН на территории Палестины было создано два независимых государства — еврейское и арабское. Не прошло и месяца, как сионисты развязали войну против арабского народа Палестины. Тысячи арабов были лишены крова, оторваны от родных мест, чтобы на долгие годы стать изгоями — беженцами.

Но и этого агрессору показалось мало. В апреле 1948 года сионисты врываются в деревню Дейр-Ясин и варварски уничтожают мирное население — женщин, детей, стариков. Начинается война, в результате которой 900 тысяч арабов становятся бездомными скитальцами.

В 1967 году Израиль предпринимает новую агрессию. Он захватывает все палестинские земли, а также часть территории Египта и Сирии.

Следует сказать, что многие арабы, изгнанные израильскими агрессорами, нашли приют на земле Ливана. Там с 1968 года начали действовать организации Палестинского движения Соппротивления.

Против Ливана направил Израиль свой новый удар.

В декабре 1968 года сионисты совершают бандитский налет на международный аэропорт Бейрута, столицы Ливана, в апреле 1973 года они взрывают в Бейруте несколько представительств организации освобождения Палестины, убивают трех верных ее руководителей.

В марте 1978 года тридцатитысячная израильская армия вторгается в Южный Ливан. Начинается новый этап жестокой агрессии Израиля против арабского народа. К этому времени число беженцев составляет уже более полутора миллиона человек.

Июнь 1982 года. Стотысячная армия захватчиков, оснащенная новейшей техникой, предпринимает новую агрессию против Ливана. Жертвами ее становятся сотни мирных жителей — ливанцев, палестинцев.

13 июня. Началась 69-дневная осада Западного Бейрута. В нем шестьсот тысяч мирных жителей. Израильская армия подвергает город жестоким бомбардировкам и обстрелам, используя шариковые, кассетные, вакуумные бомбы и фосфорные снаряды. Только 4 августа захватчики обрушили на город сто восемьдесят пять тысяч бомб и снарядов.

16—18 сентября. Новое кровавое преступление Израйля: варварски истреблены жители палестинских лагерей беженцев Сабра и Шатила...

И вот, в сентябре 1982 года, в разгар этих трагических событий, ЦК ВЛКСМ приглашает в Артек группу детей палестинских и ливанских патриотов. Это были ребята, не раз смотревшие смерти в лицо. Их было сто. И половина из них — сироты.

Для встречи с ними приехали и журналисты — корреспонденты всесоюзных и республиканских газет и журналов. Я представляла журнал ЦК ЛКСМУ «Пионерия».

Вот мы впервые встречаемся с детьми многострадальной Палестины, Ливана, впервые видим сто худеньких детских рук, приветственно взметнувшихся при встрече. Позже мы увидим и другое: их незаживающие раны, си-не-багровые шрамы на руках и ногах, седые головы...

Месяц отдыхали они в Артеке, и все это время я была с ними — ходила в походы, ездила на экскурсии по крымским городам и селам, навещала их в корпусах с ласковыми названиями «Василек», «Клен», «Фиалка».

Постепенно мы подружились, и я узнала многое об их жизни на далекой арабской земле. Бесхитростные исповеди палестинских и ливанских ребят, патриотов, сердца которых переполнены жаждой борьбы за свободу своей родины, и легли в основу моей книги.

*Обласкайте каждого, кто войдет к вам.
Если к вам пришел одинокий, отдайте ему
всю любовь сердца, чтобы он понял, что у него
есть друг. Если придет скорбный,
осветите ему жизнь вашей радостью. Если
придет слабый, помогите ему.*

Восточная мудрость

Новелла первая

«КОГДА БОЙЦЫ ПЛАЧУТ»

Марван Абу Гуш, один из руководителей группы палестинских детей, прибывших из Дамаска, на прощание подарил мне открытку с изображением Ясира Арафата, с надписью: «Дорогая Мария, мы хотели бы видеть Вас когда-нибудь на седой палестинской земле. В Ваших глазах мы увидели святую любовь к нашим детям. Пребывание в Артеке навсегда останется для них волшебной сказкой. Их здесь искренне любили и жалели. Мы будем бороться до победного конца. Спасибо Вам, всем советским людям за помощь, сочувствие и поддержку. Спасибо за День Палестины, который Артек устроил в нашу честь».

Марвану Абу Гушу — двадцать два года. Он родился и вырос в Иерусалиме. Три раза израильтяне бросали его в тюрьмы, где пытки мало чем отличались от нацистских. Там вырывали щипцами ногти, лили на голову сначала кипяток, потом ледяную воду. В Западном Бейруте его ранило, осколок кассетной бомбы попал в левый глаз. Абу Гуш почти ослеп. С четырнадцати лет он — боец, много испытывший, много страдавший. Но как он весел и бодр, как жизнерадостен! Как легко, вдохновенно, с каким упоением танцевал он палестинскую хору на празднике в честь Палестины! Должно быть, что-то далекое и родное вспомнилось ему в тот вечер... Тогда, после отбоя, Марван подошел ко мне — ему хотелось поговорить, выплеснуть то, что накопилось в его сердце. Заговорил взволнованно, горячо:

— Знали бы вы, как нежен воздух нашей земли! Как благоухает она после захода солнца! Аравийский полуостров, зеленое междуречье Тигра и Евфрата... Какое там солнце — совсем как на экваторе, и чистое, совершенно безоблачное небо. А наши пустыни, — в них таится какая-то особая, непостижимая красота. Среди тенистых рощ олив, цитрусовых и пальм — тучные поля пшеницы, ячменя, хлопка. Даже бури, скрывающие солнце в сухом желтом тумане, там хороши, ведь после них наступает такая торжественная тишина! Моя Палестина... Нет земли благодатней. Но никогда не было на ней безмятежной идиллии. Во все времена богатства ее не давали покоя нашим врагам. Наша нефть — черная кровь арабской земли, природный газ, минералы. Вот и сейчас Израиль замахнулся на нашу землю. Он задумал по-своему перекрыть карту Ближнего Востока. Наши враги нашли себе могущественного покровителя, Америку, которая дает им деньги и оружие, помогает врагам терзать мою многострадальную родину, наш древний народ... Мы хотим мира, но мира без унижений, без сионистского геноцида.

Марван Абу Гуш неожиданно и надолго замолк, глядя вдаль, на горы. Что виделось ему там, за горной грядой? Пожалуй, картины тяжелого прошлого. Его подвижное, такое бесхитростное лицо замкнулось, меж бровей залегла скорбная складка. Я искала и не могла найти нужных слов. Да и есть ли на свете слова, которые могут развеять тоску по родине? И вдруг в памяти как-то сами собой возникли любимые с детства строки:

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

Марван почувствовал ритм стиха, восторженно кивнул переводчику и посмотрел на меня вновь ожившими глазами. Я продолжала:

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Он схватил мою руку, затряс ее, восторженно говоря:
— Пушкин, Пушкин...
Я улыбнулась:



Палестинские беженцы
покидают лагеря,
разрушенные агрессорами.

Израильские бронемашины
на земле Ливана





Бейрут.
В этих многоэтажных
домах совсем недавно
жили люди.





— Нет, не Пушкин. Это Лермонтов. Наш прекрасный поэт.

Он кивнул:

— Да, да... еще.

И впился полуслепыми глазами в мое лицо. Я продолжала:

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?
Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты...

Когда переводчик произнес последние строфы, я увидела, как по щеке Марвана, мужественного бойца, скатилась слеза, потом еще одна и еще... Я поняла, что творится в его душе, и взглянула на переводчика: «Может быть, нам лучше уйти?»

— Нет, нет, не уходите,— остановил меня юноша.— Простите мои невольные слезы, поверьте, они — не от слабости, а от любви и сострадания к моей родине, к

моему народу, униженному, изгнанному с родной земли, отторгнутому от родных корней, как та пальмовая ветвь. В этих строках такая боль. Тут заплакал бы и камень.

Новелла вторая

ЗА РОДИНУ ДОЛЖНЫ БОРОТЬСЯ И ДЕТИ, И КАМНИ

Я расскажу эту историю так, как перевела мне ее Наиля, милая, добрая азербайджанская девушка. Мы стояли с ней на уютной веранде лагеря «Озерный», вдыхая всей грудью чистый утренний воздух, наслаждаясь веселым щебетом птиц, таких же неугомонно-счастливых, как и юное племя, поселившееся у подножья Аюдага. У нас была назначена встреча с двумя палестинскими мальчиками, защитниками крепости Калет-аль-Шакыф.

— Как прекрасен мир, и как он несправедлив, если в нем существует то, о чем расскажут вам сейчас дети, — нарушила молчание Наиля. — Я жила в Иордании, бывала в Бейруте. Эта земля — настоящий рай. Особенно, когда цветут гранаты, шелковица, розы, глицинии. А наш Крым... Посмотрите вокруг, как безмятежен мир, как свежи и зелены после дождя деревья и цветы, как дивно это бездонное небо!..

В это время на веранду поднялись два мальчика лет тринадцати-четырнадцати в национальных палестинских шарфах, повязанных поверх пионерских галстуков. Ласково обняв их за плечи, Наиля что-то сказала им по-арабски, и они назвали свои имена:

— Салах Марай Халиль.

— Бурхан Ахмед Тайиб.

На меня смотрели добрые глаза. Неужели это их били, пытали в израильских застенках? Словно отвечая на мой молчаливый вопрос, тот, что был поменьше ростом, приспустил брюки, и я увидела багрово-красный рубец, змеящийся через правое бедро до самой голени. Невольно воскликнула:

— Не надо, не надо!

Тогда другой ребенок, у которого были совершенно седые виски, о чем-то быстро, взволнованно заговорил. Наиля перевела:

— Он сказал: нужно чтобы поверили тому, о чем они сейчас вам расскажут...

Рассказ Бурхана, мальчика с седыми висками:

— Я — бейрутец и видел своими глазами, как авиация Израиля бомбила наш город. День и ночь длился этот кровавый кошмар, этот ад. Под бомбами гибли ни в чем не повинные женщины, дети, старики. Международный Красный Крест заявил, что девяносто процентов всех жертв израильских бомбежек и артобстрелов — именно они. Мы с отцом присоединились к палестинским бойцам. Вскоре отец погиб. Я взял в руки его автомат. С десяти лет мальчишки Палестины умеют обращаться с оружием, потому что за Родину должны бороться и дети, и камни.

В это время началась оборона крепости Калет-аль-Ша-кыф в Западном Бейруте. Нас было мало — 36 палестинцев во главе с Марваном Абу Гушем, 15 ливанцев из Национально-патриотических сил и шестеро детей. И оружия у нас почти не было — несколько гранатометов, винтовки, а враги двинули против защитников крепости десятки танков, вертолеты, самолеты. И все же наши продержались целых шесть дней и ночей. Целых шесть — против двух с половиной тысяч израильских



солдат. Правда, мы с Салахом ушли раньше — на третий день. Нам приказали перебросить патроны к одной из пещер, где не хватало боеприпасов. К тому времени многие наши бойцы были уже убиты. Четверо детей ранены. Кончились вода и хлеб. В пути Салаха тоже ранило. У него и сейчас еще не зажила сквозная рана на ноге. Когда мы добрались до места, там уже были израильские солдаты. Мы попали в плен. Нас зверски избили. Мне прикладом сломали руку. Потом поместили в большую сетку, привязали ее к вертолету и доставили в Тель-Авив в тюрьму. Меня и Салаха бросили в одну камеру...

Камера метр на метр, на двоих. В ней нельзя было даже сесть. Каждый день нас били. Жгли кожу сигаретами. Пытались добиться признания в причастности к взрыву склада оружия. Искали виновных. В камеру вталкивали без сознания. Оставляли на несколько часов, пока мы не приходили в себя. Потом все начиналось сначала. Так продолжалось 32 дня. Никакой медицинской помощи. Рана Салаха загноилась. Он был в постоянном бреде. А его выносили и били. О том, что мы в тюрьме, стало известно, потому что наши фотографии с надписью «Юные палестинские террористы» опубликовала израильская газета «Едиот ахронот». Вмешался Международный Красный Крест. Общественность потребовала освободить всех детей, находящихся в израильских тюрьмах. Нас вывезли в Сирию, в лагерь Ярмук. Мне и Салаху по 14 лет.

Мы поправились в Артеке, рана Салаха почти зажила. На днях мы уедем домой и будем воевать до победного конца. Мы все сейчас бойцы. Доучимся потом. Мы никогда не видели свою родину и считаем — лучше умереть, чем быть народом-изгнанником, есть чужой хлеб. Наша Палестина снится нам по ночам. Мы будем сражаться за нее до последней капли крови наравне со взрослыми. Мы — победим!

Бурхан и Салах вскидывают вверх правые руки, разводят пальцы в латинскую букву «V» — «Виктория, победа». В глазах — недетская убежденность, уверенность, решимость.

Новелла третья

ИМ БЫЛ ДАН ПРИКАЗ УБИВАТЬ ПАЛЕСТИНСКИХ ДЕТЕЙ...

Ко мне подходит совсем маленький мальчик, хотя, говорят, ему 8 лет, протягивает ручонку:

— Сабах альхер! (Доброе утро!) Меня зовут Юнис Ахмед Хуссейн.

Наиля переводит, а малыш говорит быстро-быстро, волнуясь, сбиваясь:

— Они разбрасывают детские игрушки, теннисные мячи, яблоки, часы, транзисторы с вмонтированными в них минами. Специально для убийства детей. Дети думают: «Какой красивый мяч», — поднимают и погибают. Ночами в Бейруте разбрасывали бананы, игрушки, авторучки. Это были гранаты. Мой товарищ поднял очень красивый игрушечный паровоз и взорвался...

Однажды была очень сильная бомбежка, потом начались пожары. Мы выскочили из дому и побежали, сами не зная куда, лишь бы подальше от огня. И заблудились. Нас было трое. Навстречу шел израильский патруль. Моему старшему брату 12 лет. Он сказал: «Не признавайтесь, что мы палестинцы. Скажите: мы — йеменцы, иначе нас расстреляют». Солдаты подошли ближе, спросили: «Палестина?» Он ответил: «Мы йеменцы». Один из них сказал: «Эти пусть идут». Сейчас уже известно, что им был дан приказ убивать палестинских детей, — всех, даже грудных, чтобы они не выросли и не взяли в руки оружие.

Возле городского стадиона в Бейруте была больница, куда свозили только раненых и больных детей. Мама рассказывала мне, что на крыше здания и на всех его стенах были нарисованы большие красные кресты. И несмотря на это, израильская авиация прилетала четыре раза и бомбила этот квартал особенно жестоко. Больницу посетили журналисты и делегации из Америки. Врачи просили всех уговорить израильского премьера Беги-на пощадить детей. Доказали, что там нет ни одного взрослого бойца. Делегация обещала сделать это. А через три дня израильские самолеты забросали больницу фосфорными снарядами. Там были дети-калеки, которые не могли ходить. Почти все они заживо сгорели. Мама сказала, что это не враги, а военные преступники. Их нужно судить и сажать в тюрьмы. Они высматривали в бинокли, где больше всего детей, и прямой наводкой



расстреливали их. В Ливане уже есть лагеря, куда сгоняют подростков, ставят им номерные знаки на руках... Я спасся чудом. Меня и брата вывезла из Бейрута мама. Где наш отец, мы не знаем... Последний раз он позвонил домой еще в июне, сказал, что сражается вместе с товарищами. Приказал уезжать в Дамаск, объяснил, по какой дороге еще можно проехать. Потом я взял трубку, и отец сказал: «Не волнуйся, сынок, я помню, что скоро твой день рождения. Подарок — за мной». Больше от него не было никаких вестей. Мама часто плачет.

Юнис не выдержал, тоже заплакал навзрыд. К нему подошел мальчик постарше, что-то сказал. Юнис сразу утих, но крупные, как град, слезы время от времени падали с длинных ресниц.

Я спросила Наилю:

— Что говорил ему товарищ?

Она ответила:

— Бойцы не плачут. Это — слабость. А слабые не победят врага.

Новелла четвертая

СЕГОДНЯ ЛАРА УЛЫБНУЛАСЬ

Палестинские дети очень красивы: смуглокожие, большеглазые, с копной блестяще-черных волос на голове, если смеются, зубы сияют, как жемчуг.

Лара Абу Гуш — блондинка. Да еще какая! Светло-золотистые волосы — настоящий бурный водопад! Я уже давно заметила эту десятилетнюю девочку, которая никогда не смеялась. Она старалась держаться в стороне даже от своих палестинских подруг: то сидела на веранде одна, глядя на море, то одиноко бродила по саду. Наиля рассказала мне ее историю.

— Мусульманские семьи многодетны. А вот Лара была единственной дочерью. Ее любили и баловали отец и мать. Ларин отец был крупным военным специалистом в Организации освобождения Палестины. Когда начались бомбежки, он стал сам возить ее в школу на своей машине. Однажды не успел завести мотор, как последовал взрыв. К счастью, никто не пострадал. Отец отвез



дочь в безопасное место, а сам ушел сражаться. Взяла в руки автомат и мама. Через три дня их друзья пришли ба Ларой и сказали, что родители ее убиты в один день. Дсвочку перевезли в Сирию, в лагерь Ярмук.

Очевидно, многие наши дети в Артеке знали, что произошло с Ларой, и жалели ее. Ей старались дать и персик поспелее, и яблоко побольше. Кто нес книгу, кто — красивый шарф или заколку для волос.

Чаще других к ней подходила абхазка Цвейба Гунда. Они даже иногда о чем-то оживленно говорили и, видимо, понимали друг друга. Однажды я увидела, как Цвейба расчесала Ларину золотую копну, разделила ее пополам и заплела косы. Полубовавшись прической, поцеловала девочку в щеку. И тут вдруг Лара улыбнулась.

Как по цепочке, понеслось по всему лагерю «Озерный» по-арабски и по-русски:

— Сегодня Лара улыбнулась, наверное, сегодня она съест целую тарелку супа... Я отдам ей свое сладкое... А я подарю открытки Артека.

С того дня Лара вновь научилась улыбаться. Встречаясь со мной, она протягивала руку и приветливо говорила: «Салям».

Новелла пятая

МЫ МЕЧТАЕМ БЫТЬ ХЛЕБОПАШЦАМИ И ПОЭТАМИ

Этот мальчик смотрел на меня так пронзительно, что однажды я не выдержала и сама подошла к нему, спросила:

— Как тебя зовут?

Он радостно протянул руку:

— Мухаммед Атраш, мне 13 лет.

«Всего тринадцать, — подумала я. — А половина волос — седые».

С тех пор, где бы я не встречалась с ним — в столовой, в комнате отдыха, в бассейне или на экскурсии, — каждый раз меня по-новому поражали его глаза: беззащитно-добрые, искренние, тотчас отражавшие его настроение. И я невольно тянулась к нему. Вот уж воистину — душа причалила к душе... Он выделялся среди своих сверстников тем, что мог, отрешившись от мира, забыв про игры и забавы, часами сидеть и смотреть на море или, задумавшись, ходить и ходить по одной и

той же аллее, шепча что-то чуть слышно. Тогда я подумала: вероятно он — юный поэт. И не ошиблась. Однажды произошел у нас с ним интересный разговор.

— Как только мы отвоюем свою родину, — сказал он мне, — я хотел бы стать поэтом. Ведь кто-то должен рассказать о пролитой нами крови, о моей убитой бабушке. Старенькой и доброй. Она вышла на улицу во время бомбежки посмотреть, где я. Кому она мешала?.. Я знаю, что поэтом стать непросто, и стараюсь хорошо учиться. Знаю английский и французский языки. Сейчас буду учить русский. Я читал на арабском языке вашего великого поэта Пушкина и «Ведные люди» Достоевского. Еще я читал Короленко — «Дети подземелья» и «Слепой музыкант». У вас очень гуманная литература.

— Мухаммед, о чем сейчас пишут ваши лучшие поэты? — спросила я.

— О своем народе, о его судьбе, о борьбе до победного конца. Сегодня нет у нас родины, нет своего дома. Мы рассеяны по всему свету. Почему? Кто повинен в этом? Мы забыли лица наших любимых отцов и старших братьев. Сколько я помню себя, они все время где-то воюют. А там, где воюют, там и убивают. Мы мечтаем быть хлебопашцами и поэтами, работать до пота, но в своих апельсиновых рощах и на своих нивах. Мы древний народ, у нас веками была своя земля. Мы знаем, кто и почему ее отнял.

— Мухаммед, ты, наверное, пишешь стихи?

— Да, конечно.

— Прочти мне что-нибудь.

— Ауфань... (Пожалуйста.)

Это были не просто стихи. Это было воплощение страсти и огня, убеждения и веры. Наила еле поспевала за ним: «Во имя нашей родины, во имя пролитой крови, во имя памяти, во имя ран бойцов, во имя миллионов жертв — клянемся сражаться, каждый до последнего дыхания...»

Каким гневом сверкали его глаза, какой огонь разгорелся в его груди и как сжались в кулачки его тонкие детские руки.

Можно ли убить веру народа в свободу и счастье, — думала я, а маленький седой поэт читал и читал стихи о революции, о борьбе за свободу родины, о горькой судьбе своего народа. Тогда я попросила его прочесть что-нибудь о детстве, о школе или о брате. Он внимательно посмотрел на меня, согласно кивнул и произнес:

316975

ГРЕКО-АРАБ



— Уже здесь, в Артеке, я написал стихотворение «Мой брат в концлагере».

И снова зазвучали слова боли и веры, ненависти и мужества. И я поняла — Мухаммед, как истинный поэт, пишет о том, чем живет его народ. У палестинских детей украдено детство — так может ли он писать о его радостях?

Новелла шестая

ВАШ СЫН И БРАТ

До сих пор не могу без душевного трепета и слез вспоминать своего маленького друга Абд аль-Кадера. Никогда не забыть мне тепла его ручонков, до боли обнявших мою шею, тоненькой мальчишеской фигурки, прильнувшей ко мне, и горячего шепота в самое ухо: «Ваш сын и брат».

У этой истории было свое начало. Однажды палестинских детей решили повезти на морскую прогулку от Аюдага до Генуэзской крепости. Накануне был шторм в три-четыре балла, но к утру все стихло, море казалось совершенно спокойным, и мы двинулись в путь.

С детьми ехал палестинский врач Самир ар-Рифай — «доктор Самир», как звали его в Артеке.

Как только катер отчалил, доктор Самир взмахнул рукой — и над морем полились палестинские песни. Дети пели, прихлопывая в такт мелодии, притопывая ногами. А на другом конце катера звенели голоса советских ребят — там пели «Картошку», «Взвейтесь кострами» и другие наши песни. Веселье было в самом разгаре, как вдруг мне стало нехорошо. Сидящий рядом, плечо в плечо, мальчик тоже перестал петь, затих, незаметно наблюдая за мной. Вдруг он снял куртку и набросил ее мне на плечи. Он сделал это молча, но глаза его смотрели так тепло, так искренно, словно он хотел вобрать в себя часть моих страданий.



Когда катер подошел к пирсу, мальчик первым подал мне руку. Потом, по дороге к лагерю, он догнал меня и протянул яблоко.

Через день я пришла в их дружину. Шел концерт. Абд аль-Кадер пел, танцевал, участвовал в пьесе. Я сидела в первом ряду. Кланяясь, малыш каждый раз поворачивал голову в мою сторону: понравилось ли? Я хлопала всем, но ему больше других. А встречаясь с ним взглядом, еще и кивала, как старому знакомому. Друг же! Сам тогда, на катере, остался в легкой рубашке, а мне отдал куртку. Потом — яблоко...

После концерта и ужина он вдруг подошел, взял меня за руку и жестом пригласил погулять по аллее. Когда отхлынул поток детей, Абд аль-Кадер расстегнул куртку и вынул из-за пазухи кусок припрятанного для меня вкусного пирога с яблоками. Отказаться — значило обидеть малыша. Я по-братски разделила пирог, жестами, а где и словами объяснила, что так делать не следует, что я не голодна и что мне было бы намного приятнее, если бы пирог съел он, мой маленький друг.

С тех пор мы подружились. От Наили я много узнала о нем.

Его семья жила в Сайде. Во время бомбежки они с соседями еле прорвались в Бейрут. У него есть сестры и братья.

— А отец?

— Остался с бойцами Демократического фронта освобождения Палестины.

Наила тихо, для меня уточнила:

— Уже здесь получено известие, что он погиб. Но мы не говорим ему. Пусть Артек для него ничем не омрачается. Успеет узнать об этом в Сирии.

Абд аль-Кадер тревожно заглядывал нам в глаза, пытаясь догадаться, о чем мы говорим, потом не выдержал, спросил:

— Может, есть письмо от отца?

Бедная Наила! Видимо, ей не впервые приходилось уходить от прямого ответа.

— Ты же знаешь, что все новости ожидают вас в Дамаске, — сказала она ласково.

Мальчик легко, по-детски поверил и стал вслух мечтать о том, как они с отцом, наконец, встретятся и обнимут друг друга.

Но я-то знала, что он уже сирота, и старалась как можно чаще видеть его. Малыш тоже потянулся ко мне

всем сердцем. Где бы ни встретились мы — он со всех ног мчался мне навстречу.

Однажды их отряд повезли на экскурсию в Севастополь. Вечером я пошла к нему. Торопилась, предвкушая радость встречи. Каково же было мое разочарование, когда увидела его, маленького, грустного, поникшего.

Я сразу же разыскала Наилю.

— Что с тобой!? Ты заболел? Или устал?

Даже не верилось, что со мной говорит ребенок — так разумна была его речь:

— Как красив ваш Севастополь! Сколько в нем замечательных исторических памятников. Как он зелен и чист. А мой родной город Сайда! Ведь это — финикийский Сидон!.. Он весь — уникальный памятник арабской культуры. А теперь от него остались руины. Как и от Тира и Набатии... Они хотели сжечь гордость мусульман — мечеть Аль-Акса в Иерусалиме. Они разбомбили крепость Калет-аль-Шакиф, наш исторический памятник. Враг хочет уничтожить нашу культуру, а потом сказать, что мы — никто и ниоткуда.

Долго в тот вечер бродили мы по тенистой кипарисовой аллее, и я утешала Абд аль-Кадера (спасибо Наиле за ее долготерпение), как могла.

— Разве ты не знаешь, — говорила я, — что во время Великой Отечественной войны враги разрушили много наших городов. Среди них и тот, который так понравился тебе сегодня. Мы построили все заново, все возродили.

Малыш взглянул веселее:

— Разве крепости тоже можно заново построить?

— Конечно, ведь их когда-то строили такие же люди, как вы. Так почему ты думаешь, что вы не сумеете восстановить свои памятники?

Абд аль-Кадер уже мечтал:

— Я буду строителем. Вначале — в Сайде, потом — в Тире. Наши города станут такими же, как были. Я приеду учиться к вам, в Киев. Дай мне свой адрес... А ты потом приедешь к нам, в Палестину. Но пока я буду твой далекий сын, а для твоей дочери — брат. Ведь без мужчин в доме плохо.

Но случилось так, что в последние перед отъездом палестинцев дни я не могла повидаться с Абд аль-Кадером — подвернула ногу и почти не выходила из гостиницы.

Однажды ко мне пришла Наиля.

— Что случилось? — встревожилась я, увидев ее взволнованное лицо.

— Завтра палестинцы улетают в Сирию. У нашего Абд аль-Кадера уже и слезки были сегодня вечером. Вот мы и отправились за вами.

Я заметила его издали. Малыш горестно и сиротливо сидел на веранде, где пели, рисовали, играли в шахматы, барахтались другие, счастливые дети. Он был несчастлив — и не скрывал этого. Изредка всматривался в темноту аллеи. И вдруг! Встрепенулся, бросился вперед, перескакивая через две ступени, и птицей понесся к нам. Прилетел — и повис на шее, обвив ее ручонками, шепча в ухо:

— Ваш сын, ваш брат.

Потрогав бинт на ноге, жалостливо спросил:

— Больно?.. Ну скажи — больно?

Последний вечер мы провели вместе.

На следующий день палестинцы улетели. И с ними — мой Абд аль-Кадер. Мы оба плакали при расставании. А он, смахивая слезы, все повторял и повторял:

— Я приеду в Киев учиться. Скоро вырасту — и приеду. Ведь у меня там есть теперь другая «умма» (мама). Я буду это помнить каждый день...

После кровавой бойни, которую недавно учинили сионисты, я не знаю: жива ли твоя мама, сестры, братья. Жив ли ты, мой добрый малыш, бесхитростный, искренний, горячий. Где ты? Что с тобой? Не голодно ли, не холодно ли тебе? Не обгорело ли от горя твое маленькое сердце? И не зажег ли этот огонь безжалостным блеском твои доверчивые глаза?

Одно утешает меня: если ты жив, есть надежда на встречу. На пяти разных листах, по-русски и по-арабски, записал ты мой адрес, а когда я спросила, зачем тебе так много моих адресов, ответил простодушно и мудро:

— Если потеряю чемодан, адрес останется в кармане, если снимут с меня рубашку, адрес будет у друга. Еще один я зашью в карман штанов. Свой перешлю позже. У меня пока нет дома. Может, я буду жить у дяди в Дамаске, а может, у другого папиного брата. Но где он сейчас — я тоже не знаю.

И еще — Наиля сфотографировала нас и обещала выслать фото: я выхожу из катера, Абд аль-Кадер бережно ведет меня по сходням, понимает: укачало, нужна рука мужчины. И он протянул мне ее, маленькую, хуленькую, трепещущую. Какая тонкая, большая душа оказалась в хилом теле ребенка.

ГОЛУБЬ С ОБГОРЕВШИМИ КРЫЛЬЯМИ

Я не однажды была в Артеке — республике счастья, песен, безудержного веселья. Отправляясь туда в этот раз, знала — будет нелегко: меня ждали встречи с детьми, искалеченными войной. И не ошиблась: горе, страдания детей болью отозвались в сердце.

Как много пришлось им пережить! Можно ли возродить их к радости, вернуть им смех, беззаботные детские игры? Пока мы, взрослые, думали об этом, дети со свойственной им изобретательностью действовали и вскоре уже общались, не прибегая к помощи переводчика. Из карманов то и дело извлекались блокноты, где рядом с арабскими словами стояли русские: «мир», «дружба», «солнце». В минуты горячего спора в ход шли жесты, мимика. Вот рядом сидят палестинский мальчик и русская девочка. Она спрашивает, где живет его семья. Он, показывая на себя, говорит: «Ах» (брат) убит, «оха» (сестра) — тоже. Изображая руками, что держит автомат: «Ту-ту-ту-ту», — показывает как. Девочка тут же уводит его от печальных воспоминаний, рисует мелом классы и предлагает новую для него игру. Скоро оба они самозабвенно скачут по дорожке, старательно перепрыгивая через «ад».

Но вот мел берет в руки мальчик. Он рисует голубя, грудью прорывающего колючую проволоку. Вокруг него сразу же собрались дети. У многих в руках — мелки. И скоро все пространство перед корпусом «Фиалка» неузнаваемо преобразается. В центре — тот самый голубь. У него одно крыло — обгорело. И все-таки птица летит в небо, к солнцу. А рядом пальмы, бананы. Семья сидит в саду, в ней много детей.

Спрашиваю, спрашиваю, спрашиваю. Анас Мухаммед поясняет свой рисунок первым:

— Это вся наша семья до бомбежек в Бейруте.

Амар Абурашед:

— Я нарисовал (он показывает на пальмы) мою родину — Палестину.

— Разве ты видел ее когда-нибудь?

— О нет, ее не видел даже мой папа, но мне много рассказывал о ней. Ему говорила о Палестине моя бабушка. Она погибла, когда стояла в очереди за водой. Отец сейчас воюет против врагов.



— А мой папа тоже убит врагами. Меня зовут Абдель Мажид.

— Мой брат в неволе. Поэтому я нарисовал тюремную решетку. Другой брат сражается с Израилем. Я — Билель Баргуси.

Рисовали все, и не только на тротуаре, но и на площадке у корпуса. Потом пионервожатые принесли фломастеры, альбомы и блокноты. В них появились подбитые самолеты, горящие танки. Но было немало и счастливых, радостных рисунков. В рисунках мечтали.

Араб Салах подрисовывал к большому зеленому дереву огромные желтые плоды.

— Это апельсины, которые я когда-нибудь сам выращу.

Джихад Сааси изобразил себя доктором с огромной санитарной сумкой через плечо. Пояснил:

— Я долго-долго лежал в больнице. Осколок кассетной бомбы попал мне в живот. И знаю теперь, что после бойцов самые главные люди на свете — врачи. Я буду врачом когда-нибудь.

— Я — тоже. Меня ранило при бомбежке в Бейруте. Меня вылечили хорошие врачи.

Но голубь, прорывающий грудью колючую проволоку, был самым потрясающим рисунком. Пусть у него обгорело и повисло левое крыло, пусть капала на грудь алая кровь, он продолжал свой полет, гордо подняв голову. Птица летела в небо, к яркому желтому солнцу. Это летела мечта.

Новелла восьмая

ДЕНЬ ПАЛЕСТИНЫ

Земля еще не пробудилась ото сна и в воздухе плыли хрустальные нити, когда предрассветную тишину Артека взорвала ликующая песнь горна, призывая племя веселых людей на встречу особенного дня — Дня солидарности с юными борцами народа Палестины. Проснулись чайки, умылись утренней росой олеандры и розы. Даже теплый бриз приостановил свой бег: волны перестали шептаться с берегом.

На костровую площадь в то утро первыми вышли дети Палестины. На всех были одинаковые, цвета хаки, костюмы, все черноволосые. Лишь золотая копна Лары Абу Гуш одиноко искрилась меж ними. Как величественно они шли, как гордо несли свое знамя под ликующий гул трибун!

Днем состоялась выставка «Моя Палестина». На ней демонстрировались фотодокументы, тайно вывезенные из Бейрута. Не было сердца, которое не сжалось бы от боли — на снимках были запечатлены горящие кварталы столицы Ливана, обожженные фосфорными снарядами старики и дети...

Воистину для нас нет чужого горя. Как опекали, обласкивали палестинских детей наши ребята! Они дарили им значки, блокноты, фломастеры — все, что у них было, — ни на минуту не оставляли их одних. В этот день Сережа Крамер, ученик артековской школы, написал в сочинении: «Выставка о Палестине довела меня до слез. Я не мог себе даже представить, что такое возможно».

А вечером был митинг. Как страстно говорили палестинцы!

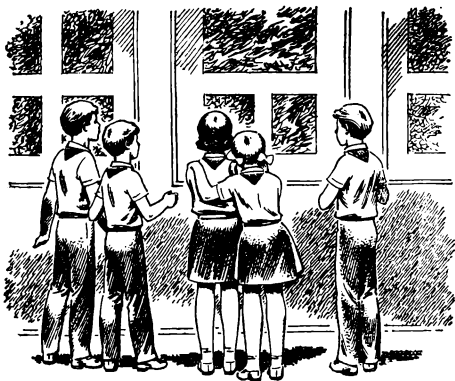
Ибрагим Абуюнис:

— Можно ли целый народ лишить корней: истории, культуры? Наши земли омывали воды Иордана. Веками жили палестинцы в Иерусалиме, Назарете... А ныне — мы стали иностранцами в собственной стране. Сионисты отняли у нас родину! Как смеют они говорить о тупом, ленивом, необразованном народе Палестины? Крестьяне тяжким трудом превратили склоны гор, холмов в террасы с плодородной землей. Строили ирригационные сооружения. А там, где нельзя было этого сделать, пасли стада. В XIX веке один английский путешественник так описал местность под Иерусалимом: «Земля была замечательно плодородной и превосходно возделывалась. Склоны холмов покрывали тщательно возделанные террасы, густо засаженные виноградниками и оливами, а в долине раскинулись сады и хлебные поля...»

Хазим Аджрами:

— С помощью Америки Израиль хотел создать свое государство от Нила до Евфрата. Но мы не позволили перечеркнуть свою историю.

Палестинский народ тяжело ранен, но он не пал ду-



хом, не склонился, не сдался. Нас лишили земли и родины, обездолили, но мы твердо знаем: чтобы выжить, надо трудиться и сражаться.

Рядом с Хазимом стояли Басель Альхадж, Халед Хатим, Талаль Халет, Реяд Наиф, Аус Идрис, Хасан Халаили и Тахани Идрис. В их глазах сверкали гнев и обида, обида всего древнего палестинского народа. Они говорили:

— Нас четыре миллиона, палестинцев, и почти половина живет на оккупированных Израилем землях. В Израиле есть много городов, где разрешено свободно жить только евреям. Арабы должны отчитываться за каждый шаг.

— Их держат под полицейским надзором, раздают семидневные пропуска и отпечатывают на руках номера.

— Так когда-то делали фашисты. За просрочку пропуска хлещут плетью и бульдозером разрушают дом.

— Сионисты лишили нас родины. Но я в изгнании мы стараемся быть образованным народом. У нас много своих врачей, инженеров, учителей.

Так говорили юноши и девушки Палестины. Но палестинская проблема была близка, понятна и палестинским детям.

Вот что сказал на митинге восьмилетний Юнис:

— У меня есть семь дядей, и все они добровольно ушли воевать с врагом. Я говорю здесь от имени их всех: палестинцы вернут свою родину!

Было немного странно слышать это от такого малыша. И я спросила его — и в шутку, и всерьез:

— Юнис, ты разбираешься в палестинской проблеме?

Он ответил, не задумываясь:

— Все палестинцы в ней разбираются.

Его поддержал десятилетний Вафа:

— Генеральная Ассамблея ООН посвятила обсуждению палестинского вопроса много заседаний.

Казашка Айгуль Кзылбасова, которая от имени всего Артека приветствовала палестинских детей на Дне Палестины, с возмущением воскликнула:

— Много заседаний? И где же результат? Когда же вы, наконец, обретете свое государство?

Ей ответил кто-то из старших мальчиков:

— Все это не так просто. У сионистов свои планы. А за их спиной стоит Америка, ей нужна военная крепость на Ближнем Востоке. Вот почему десятилетия продолжается трагедия Палестины, самая мучительная за всю многовековую историю нашего народа. Среди

палестинцев нет ни одной семьи, где сегодня не было бы убитых, замученных, изгнанных. Но каждый из нас, где бы он сейчас ни был, борется за освобождение своей родины. И она будет нашей...

Поздно вечером ко мне подошла Айгуль.

— Я вернусь из Артека совсем другим человеком, — сказала она. — Дети Палестины многому научили меня. Изгнанные из своего отечества, униженные, преследуемые — они живут, учатся и сражаются за него. У них есть чему поучиться. Главное — их любви к родине, к жизни, к ее маленьким и большим радостям. Вы видели их лица? В них нет покорности судьбе, а лишь решимость и убежденность, что их дело — правое и они победят.

Погасла лазурь южного дня. Лунное великолепие опустилось на землю. То тут, то там звенел счастливый смех, слышался тихий говор — артековцы прощались до утра.

И никто не знал, что завтра мир содрогнется, услышав о новой кровавой резне в Ливане, о тысячах безоружных людей, расстрелянных в палестинских лагерях Сабра и Шатила. Захватчики не пощадили ни детей, ни больных, ни калек. Ворвавшись в госпиталь «Газа», они убили 1097 находившихся там раненых, врачей, медсестер.

Праведный гнев охватил весь мир, люди были потрясены, узнав о горе Ливана. Человечество никогда не простит фашиствующим сионистам их кровавых преступлений. Мы солидарны с тобой, Палестина!

Новелла девятая

«ПОМНИТЕ МЕНЯ!»

Память бывает опасно цепкой: день, второй, третий даже во сне звучал во мне этот крик:

— Помните меня!.. Всегда!.. Умоляю вас — помните!

Он повторял и повторял эти слова, как заклинание, — по-арабски, по-русски, по-английски. Ринулся с половины трапа назад — и не смог прорваться сквозь толпу. И снова закричал, а сильный ветер разносил его слова по аэродрому:

— У нас будет родина, даже если я погибну... Помните меня!

Замира, Маша, Наиль махали вслед вырвавшему на

взлетное поле самолету, пока он не взмыл в небо. Они знали: самолет взял курс на Дамаск, в Сирию. А в салоне, припав к иллюминатору, в последний раз смотрит на крымскую землю Акрам Куси, неутомимый выдумщик и проказник. Когда самолет скрылся, Маша не выдержала, зарыдала на плече своего товарища и напарника по отряду Наиля Галиулова, сквозь слезы повторяя одно и то же:

— Неужели он погибнет?.. Такой трудный, такой умный... Такой добрый.

Наиль ласково улыбнулся:

— Ну, тебя не поймешь, Маша! То ты плакала от него. Теперь плачешь по нему.

— Ах, Наиль... Этот ребенок в свои тринадцать лет уже личность, индивидуальность. Да ты и сам это знаешь не хуже меня.

...В пустых автобусах все молчали. Перед глазами все еще стояли минуты прощания.

— Строем на посадку!

Никакого строя не получилось. Дети вдруг осознали: это разлука.

— Таня! Маша! Наиль! Замира! Оля! Саша! Рита! — разнесся над аэродромом разноголосый крик.

Каждый из ста палестинцев звал свою вожатую. Тогда им позволили проводить палестинцев до трапа. Что тут началось! Каждый бросился к своей вожатой. Так они и пошли по взлетному полю — как наседки в кругу цыплят. Шли лагерями: «Полевой», «Лесной», «Речной», «Озерный». У трапа самолета опять прощались, плакали — тяжелое получилось расставание...

...За окном мелькала привычная дорога. Она не мешала думать, вспоминать, говорить.

— Мой бедовый Акрам, мой милый Акрам, — вполголоса говорила Маша Наилью. — Такой добрый, открытый, доверчивый, непосредственный. И такой неуправляемый иногда. Помнишь, Наиль, мы поехали как-то в село, в местную школу? Он увидел сельских мальчишек, — они катались на велосипедах, — попросил у них машину и укатил. Как мы переволновались тогда! Ждем-ждем — нет его и нет. А когда вернулся, не простить его было невозможно — так искренне просил он прощения. На него вообще нельзя было долго сердиться. В хорошие минуты он говорил мне: «Я очень люблю тебя, Маша. Я хочу быть послушным, но видишь — не получается. Наверное, это не я виноват, а бес, который в меня



вселяется с утра». А у самого глаза хитрющие-хитрющие. Помнишь?

Наиль понимал: Маше нужно выговориться, и не перебивал ее.

Вот и Артек. Вожатые вышли из автобуса.

— Схожу к «Клену», — сказала Маша Наилью.

Он догадался зачем, предостерег:

— Не ходила бы ты туда сегодня. Только расстроишься еще больше.

Но она пошла. Пустые спальни, поникшие занавески, оставленные впопыхах ручки, блокноты не успокоили, а навалились такой тоской, таким одиночеством, что она ушла к морю. Села у воды, задумалась.

Его глаза. Вот уж воистину зеркало души! Радость, грусть, слезы тотчас отражались в них. По ним она видела: душа Акрама была в непрестанном напряжении. Казалось, он постоянно ждет от жизни какого-то чуда. Тайная работа души вызывала в нем жажду перемен. Он постоянно спрашивал:

— А завтра (букра)? Что будет завтра? А потом? А еще потом? Если пройдет три раза букра? — Узнав, что тогда они поедут в Ялту, он возвращался к какой-то своей мечте: — Если бы я летал, как птица, то увидел бы все-все... Это куда интереснее, чем из окна автобуса: видеть все, что хочешь сам...

Маша долго сидела у моря. Вот уже выплыл золотой рог месяца, высыпалась алмазная цепь Ориона и царственно заблестало созвездие Пса... И не знала она, что у другого моря не спит еще одна душа — в Латвии, в городе Даугавпилс, вчерашняя ее воспитанница Наташа Никитина торопливо писала:

«Здравствуйте, дорогие Маша, Замира и Наилы! Вот я и дома. Все время вспоминаю Артек. Мне кажется, что я поумнела и повзрослела за эти 30 дней. И в этом ваша заслуга. Вы отдали каждому из нас кусочек своей прекрасной души. У вас, наверное, теперь другой отряд, другие ребята. Вы их любите так же, как нас. Но мне почему-то кажется, что нас вы любили все-таки больше всех. Всеми помыслами я еще с вами. Часто вспоминаю палестинцев. Когда читаю газеты, все смотрю, нет ли там чего-нибудь о положении в Ливане. Как-то по-новому воспринимается все теперь. Какие мужественные ребята. До сих пор звучит в ушах их гимн. Как они там сейчас? Что их ждет в будущем? Чего бы я только не отдала, лишь бы на земле всегда был мир. Почему на свете существует такая несправедливость? И я часто думаю теперь о наших ребятах, и о себе, конечно. Как счастливо, в каком достатке живем мы, в то время как там такие же, как мы, дети мучаются, голодают, гибнут под бомбами. Не могу теперь об этом не думать. До свидания, дорогие. Счастья вам, успехов. До встречи.

Всегда любящая и не забывающая вас никогда

Наташа Никитина.

Латвия, Даугавпилс».

Получив письмо, Маша снова вспомнила Акрама Куси.

Однажды в их отряде проходил конкурс бальных танцев. Акрам должен был танцевать с Наташей Никитиной. И вдруг — исчез. Наташа надела бальное платье, ждет, волнуется, а его все нет и нет. Пошли искать. Он был в корпусе — сидел одиноко на своей кровати. Оказывается, передумал выступать. Наташа даже расплака-

лась от обиды и огорчения. А он объяснил ей все искренне и просто:

— Ты слишком хороша в этом платье, — сказал он грустно. — Я бы все тебе испортил. Мое скромное сафари никак не подходит сегодня к тебе.

— Сказал бы раньше, — возразила Наташа, — мы бы тебе что-нибудь подобрали.

Акрам печально покачал головой:

— Я боец, Наташа, и не имею права снимать сафари. И не должен так беззаботно смеяться и радоваться, как ты. И не имею права ходить на бал.

Долго просидели они в тот вечер втроем. Как откровенен, как искренен был с ними Акрам!

— Если бы вы знали, как прекрасен был прежний Бейрут! Сегодня он весь в руинах и черных пожарищах. Мертвые глазницы вместо окон, скелеты домов на авеню Мазры, на набережной Рамет-эль-Бейды. А Тир! В старинных папирусах записано: «Тир! Совершенство красоты! Пределы твои в сердцах морей. Из сенигирских кипарисов сооружали храмы твои, из шванских гор брали кедр, чтобы взметнуть мачты твоих кораблей...» Сегодня Тир — город мертвых, как и Сайда, Набатия, Дамур. Под их руинами погребены тысячи ни в чем не повинных людей...

Наша трагедия не окончилась. Впереди — борьба. Многие еще погибнут. Но Палестина будет нашей! И тогда я стану строителем... Если захотите, приеду к вам в гости, а потом — вы в мою Палестину. Она — прекрасна! Но если долго-долго не будет писем, умоляю: помните меня!

Не потому ли и с трапа самолета, улетавшего в Дамаск, неслось, как заклинание, по-арабски и по-русски:

— Помните меня, всегда помните!

Акрам Куси, палестинец тринадцати лет, взывал к человеческой памяти. Он не знал, что ждет его на родине — жизнь или смерть, но он спешил туда, потому что до тех пор, пока Палестина не принадлежит палестинцам, его место там, где идет борьба...

...Где ты сегодня, Акрам? Быть может, сидишь за школьной партой, склонившись над книгой. А может, твои руки сжимают сейчас ствол гранатомета... Вспоминаешь ли ты хоть иногда высокие артековские кипарисы, веселые карнавалы на костровой площади? Не знаю. Но все мы — Наташа, Заира, Наиль, Маша и я — помним тебя. Слышишь, помним!

Новелла десятая

КАРНАВАЛ, КАРНАВАЛ, КАРНАВАЛ!

Вот уже несколько дней сердца артековцев были полны ожиданием необузданных радостей, новых знакомств, тайн...

Бал в честь палестинцев! Вход только в масках и костюмах, желательно собственного изготовления. Карнавал... Карнавал... Карнавал!

За день до бала лагерь притих: все азартно трудились — что-то подправляли, подкрашивали, пришивали последние воланы. На верандах сохли маски, бутафорские сапоги и кольчуги, крахмальные юбки. Были забыты обычные занятия, развлечения, был заброшен даже бассейн. Над костровой площадью развешивали разноцветные шары и гирлянды. Тут же, на скамейках, красили бумажные флажки и фонарики. Повсюду валялись ножницы, картон, фольга, бумага, клей — весь антураж предкарнавальной суеты. Пахло слегка подпаленными волосами.

Но вот грянула музыка, и в парах поплыли первые маркизы и арлекины, красные шапочки и медведи, багдадские шейхи и русские матрешки, черти под руку с гордыми баронессами, Василисы Прекрасные. И тут облегченно вздохнули вожатые — не зря старались.

Даже мне, гостье, взиравшей со стороны на этот бал под луной, маленькие чертенята ласково, но весьма настойчиво надели маску и поднесли костюм черного кота с великолепным хвостом, сделанным из окрашенного в рыжий цвет ковыля.

Казалось, все померкло рядом с этим пушистым рыжим хвостом. Смущенная и счастливая, я ушла переодеваться. Когда, наконец, зеркало отразило плутовскую улыбку маски (а караул чертенят рядом, не убежишь!), я бесшабашно махнула рукой: «Теперь мне море по колено!»

Спасибо, спасибо вам, милые артековские чертенята! Вы подарили мне один из счастливейших дней в моей жизни.

Разве без костюма я вошла бы так просто и естественно в атмосферу всеобщего ликования, разве смогла бы проникнуться ощущением карнавального счастья? Поначалу чертенята опекали меня, но, подметив, что ново-явленный кот немного освоился с обстановкой, убежали.

Лишь изредка оказывалась я рядом с ними. Тогда их глаза блеснули из-под маски таинственно, лукаво и призывно.

Танец «Знакомство»! Дивный, чудесный, волшебный... Почему взрослые люди не танцуют таких замечательных танцев? Зачем подменяют их примитивным топтанием на месте? Мы же, тридцать пар маркизов, котов и домино встали в круг и под зажигательную музыку танцевали самый удивительный танец в моей жизни: сделав несколько па, нужно было перейти к новому партнеру. Уходя к нему, прежнему следовало сказать на прощание что-то ласковое, доброе, приятное. Чего-чего я только не услышала в этот вечер!

— Вы прекрасны!

— Как чудесно вы танцуете!

— У вас замечательный хвост!..

Мы самозабвенно танцевали, а над костровой площадью уже повисла юная луна, бросая на деревья, горы и море рыжий отблеск. Рыжим был и свет карнавальных фонарей. Внизу шумело море. Сквозь листву высоких кипарисов оно казалось лунной равниной, исче-



яющей в таинственной бесконечности. Гремели оркестры. Ни на мгновение не прекращалось веселье. И мне вдруг безумно захотелось, чтобы это празднество никогда не кончалось, чтобы мы навсегда остались такими, как сейчас — влюбленными и счастливыми, чтобы не теряли друг друга из виду никогда. Как прекрасны лица друзей, как оживлен сегодня Билель Баргузи! Обычно глаза у него такие грустные — ведь под израильскими бомбами погибли его сестры.

Светловолосую Лару Абу Гуш ведет под руку один из моих знакомых чертенят. Как легко и грациозно она идет!

Салах танцует с казашкой Айгуль. На ней национальный костюм. Ну, а он, вечно занятый, всегда чем-то озабоченный, конечно же, не успел подготовиться к карнавалу. Но Салах не был бы Салахом, если бы не сумел выйти из любого положения. К своему обычному костюму он добавил лишь одну деталь: на курчавые волосы надел чалму из полотенца — и вмиг преобразился в индийского раджу. А как кокетливо улыбается ему Айгуль!.. Как видны сегодня все их маленькие секреты. А вот кого не узнать, так это Фатин! Любая восточная красавица могла бы ей позавидовать. Маленькая Тахани Идрис, как взрослая, гордо вальсирует с Бурханом. Он поддерживает ее за талию одной рукой. Другая, перебитая прикладом, еще не зажила... На время забыты раны, боль, слезы, бомбежки, кровь. Дети танцуют, веселятся, звонко смеются.

Но кончаются и самые счастливые праздники. Вот затихли звуки прощального вальса. Погасли фонари. Смолкла музыка... Бал окончен.

Марван Абу Гуш идет в спальный корпус пожелать спокойной ночи своей маленькой двоюродной сестре. Я — за ним. Мне хочется поговорить с палестинцами, расспросить их, узнать, понравился ли им карнавал. Марван нежно целует девочку. А я вдруг замечаю ревниво-печальный взгляд Тахани; вот и слеза скатилась на подушку. Она что-то шепчет своей подруге горячо, нетерпеливо. Лара тихо подсказывает мне:

— Она просит вас поцеловать ее и пожелать спокойной ночи. Мама всегда целовала ее на ночь.

Я склонилась над Тахани. Как много может сказать человеческий взгляд!

Я нежно поцеловала ее в глаза, как когда-то целовала на сон грядущий маленькую дочь. Детская кожа ее

была такой же шелковистой, волосы пахли ромашкой и чебрецом. Но что это? С другой кровати, рядом, на меня смотрят, да не просто смотрят — зовут к себе глаза Вафы, такие же ревниво-печальные, как у Тахани. Еще грустнее и печальнее. Я молча поцеловала и эти глаза. Потом — другие.

И тут опять не выдержала добрая Тахани. Она поднялась с постели, что-то сказала Ларе, а Лара — мне:

— Целуйте всех...

Перецеловав половину палаты, я спросила Лару:

— Может, хватит?

Но она весело скомандовала:

— Всех, всех, всех... Мамы когда-то их всех целовали на ночь.

Я перецеловала 25 пар глаз, щек, носов. И все они одинаково пахли детством. Кто-то из больших поэтов сказал, что жизнь человеческая состоит из нескольких счастливых мгновений.

В эту ночь я пережила одно из них...

Вернувшись к себе, я долго не могла уснуть — все думала о палестинских ребятах, так безмятежно спавших сейчас в своих теплых постелях.

О детях, которые никогда не видели своей родины. Как трагичны эти слова!

Новелла одиннадцатая

ЭТО — ПИРРОВА ПОБЕДА

Новадь Кнедер и Халида Абу Рашид — двадцатилетние палестинки. Они тоже никогда не видели своей родины. Глядя на них, я часто ловила себя на мысли, что эти девушки кажутся мне сестрами. Что же роднило их? Быть может, пестрые палестинские платки — хатты? Нет. Их носили многие. Пожалуй, глаза, глубокие, темные, переполненные неизбывной скорбью. Заглянув хоть раз в такие глаза, понимаешь, как много на земле печали.

...Автобус плавно раскачивался на рессорах. Мы ехали по Белогорскому району Крымской области. Остались позади радость встреч, тепло рукопожатий. Халида сидела, печально глядя в окно, на лиловые холмы и горы, греющихся на солнце ящериц.



Вот мимо проплыл памятник. Скорбь застывших в мраморе фигур ясна и понятна без слов. Халида попросила шофера остановить машину. Взяв цветы, что лежали у нее на коленях, она спрыгнула на землю, пошла к памятнику погибшим воинам. Чем ближе, тем величественней и торжественней ее осанка. Оправила платок. Положила цветы к подножию. Но не ушла. Стоит долго, скорбно склонив голову. О чем она думает? Кого вспоминает?

Я взглянула на Новаль. Девушка поняла мой немой вопрос и прошептала чуть слышно:

— В Бейруте погиб ее друг. Платок — это траур. Как и у меня по брату. Друг был высокий, красивый. Он умер у нее на руках. Погибают лучшие... И памятников им у нас еще нет. Эти цветы она подарила не только вашим солдатам, но и ему, своему другу.

Когда Халида Абу-Рашид вернулась в автобус, лицо ее было бледно, меж бровей залегла суровая складка.

Впереди был еще один обелиск. Она и там остановила автобус, попросила цветы у подруг и отнесла их на братскую могилу.

Новаль снова заговорила:

— Он был студент, как и она, очень любил Халиду. Когда началась осада Бейрута, сразу ушел воевать. Стал минометчиком. Она всегда была рядом — подносила боеприпасы... Когда его убили, Халида заменила его у миномета.

«Бже мой! — подумала я. — Эта худышка — тоже боец? Такая хрупкая, беззащитная!» Не удержавшись, спросила:

— Неужели вам не страшно?

Новаль заговорила быстро, взволнованно. Переводчица еле поспевала за ней:

— Мы уже привыкли. Нам не страшно, со временем страх исчезает, остается только ненависть к врагу. А в бою это главное... Мы не спали сутками. Израильцы бросали в бой новые резервы, нас же некому было сменить. Но ненависть к захватчикам придавала нам силы и мужество. Наши враги — не победители. Их победа — пиррова победа. Организация освобождения Палестины не разбита. Отход ООП из Бейрута был почетным — пла армия, вооруженная, в своей униформе, со своими знаменами.

Прекрасные глаза Новаль гордо сверкнули.

— Да, мы вышли из Бейрута непобежденными, мы одержали там политическую победу. Против сотысячной израильской армии, против их танков, бронетранспортеров, всей авиации и военно-морского флота воевали люди, у которых были только гранатометы и личное оружие. Полубезоружные против шариковых, кассетных, вакуумных бомб и фосфорных снарядов. Только 4 августа на Западный Бейрут было обрушено 185 тысяч бомб и снарядов, и тем не менее Бейрут держался 69 дней.

Нелегко далась нам победа. Нет ни одной палестинской семьи, которая не пострадала бы от агрессора. Но об арабах не зря говорят: крепок, как дамаская сталь. Мы победим! А потом вернемся на землю Палестины и на ней поставим памятники всем, кто погиб в этой кровавой бойне.

Новелла двенадцатая

МАШЕНЬКА

Палестинцы только что вернулись из экскурсии по Илте. На вопрос, что ей больше всего понравилось, Тахани Идрис, захлопав в ладоши, восторженно выпалила:

— Машенька! — и тут же добавила: — И мороженое тоже.

Пионервожатая Маша Курбанова рассказала:

— О том, что в Артек приехали палестинские дети, люди узнали из программы «Время». Так вот, стояло нам где-либо остановиться, нас обступали люди. И все, ну буквально все покупали мороженое и раздавали его нашим ребятам. Мы просили их не делать этого, но все напрасно. А можно ли запретить мороженое детям? — Маша повернулась к Тахани:

— Ты сколько съела сегодня мороженого?

— Пять палочек.

— Честно?

— И еще одну... маленькую. Но ведь оно такое вкусное.

Маша горестно всплеснула руками:

— Ужас! То же самое было в Севастополе. А ведь предстоит еще поездка в Симферополь.

Я улыбнулась и обняла за плечи растерянную Тахани:

— Ну, а кто же такая Машенька, которая понравилась тебе больше мороженого?

Тахани тотчас исчезла, а через минуту-другую появилась с большой картонной коробкой. Открыла — и мы все увидели белокурую куклу с закрытыми глазами. Как только девочка взяла ее в руки, кукла заморгала рыжими ресницами. Тахани, ласково приглаживая голубое платьице, прошептала:

— Это Машенька. Она такая же добрая и красивая, как наша вожатая Маша. Я буду спать с ней теперь, буду целовать ее на ночь и говорить: «Спокойной ночи, Машенька». А утром желать ей хорошего дня.

Маша Курбанова объяснила мне:

— Повезли мы их в магазин игрушек. Что тут началось. Заводят машины, крутят волчки, поприжимали к себе кукол — не отпускают. А глазенки так и горят! Наконец каждый что-то облюбовал себе, и только тогда мы отправились в Артек. Вот увидите, эту ночь они

спать не будут, так возбуждены... Да и как их не понять! Ведь большинство из них настоящих игрушек никогда и не видели. Завтра все упакуем до Дамаска. Тахани уже десять раз меня спрашивала: «Маша, а мы не перепутаем мою Машеньку с другой куклой?...» Напиши, говорит, большими буквами: «Машенька — Тахани». Завтра у нас будет веселый денек. Приходите помогать. Все нужно уложить, упаковать, ничего не спутать.

А Тахани все гладила свою куклу по нейлоновым полосам, лепеча: «Машенька, Машенька». «Ш» получалось у нее похожим на «С», и это вызывало у ребят добродушный смех.

А вечером из Артека полетели письма в разные города нашей страны. В них говорилось о том, что, мол, есть на свете ребята, детство которых прошло без игрушечных зайцев и медведей, дюймовочек и буратино, оловянных солдатиков и фломастеров. Через месяц одна из комнат лагеря «Янтарный» превратилась в кладовую. День ото дня в ней росла гора посылок. Я прочитала только верхние адреса: Вильнюс, Игарка, Иваново, Норильск, Алма-Ата, Курган, Севастополь.





Ему немногим
больше года.

Израильским солдатам
был дан приказ убивать
палестинских детей.





Целые кварталы
ливанских городов
превращены в груды развалин

Не одна неделя прошла,
прежде чем на лицах
палестинских ребят
появилась улыбка.



Спросила: «Что в них?» Мне ответили: «Игры, тетради, альбомы, носовые платки, шапочки, ленты, пластинки, детские книги, куклы, пластилин».

Воистину: чужого горя для наших людей не бывает!

Новелла тринадцатая

ОНИ — ПОБЕДЯТ!

Не раз я задумывалась, почему так печальны глаза палестинцев, и детей, и взрослых? В выражении их глаз можно было уловить множество оттенков: грусть, скорбь, вековая мудрость, многотерпение и незащищенность. И мне становилось страшно — так не должен смотреть на мир человек.

Позже, после разговора с Иссой Минзарином, молодым школьным учителем, я многое поняла.

Мы приехали на экскурсию в одну из сельских школ. Это была самая обыкновенная школа, каких в нашей стране — тысячи. А он ходил и не переставал удивляться. В библиотеке вдруг спросил: «И ваши дети читают все эти книги?» Ему показали густо исписанные формуляры. Мальчишек, гонявших мяч по огромному спортзалу, он ни о чем не расспрашивал. Просто не отрываясь смотрел и смотрел на них. А вокруг кипели страсти: дети шумели, азартно подбадривали друг друга и громко смеялись.

Когда все пошли дальше, он подошел ко мне:

— Я видел много стран, — сказал он, — встречал много детей. Богатых и бедных. Тех, кто не видел ни одной игрушки, и тех, кто не знал им цены. Но вот смеха, такого счастливого, зажигательного, беспечного, не слышал нигде и никогда. Мы тоже смеемся. Но наш смех не похож на ваш. В нем нет беззаботности...

Как пристально вглядывался он в глаза первоклашек, которые занимались в классе продленного дня. Вот тогда-то и произошел наш с ним откровенный разговор.

— Детство — фундамент, основа будущего человека, будущей жизни. В детстве все уже посеяно в душе человека. Потом оно только растет и расцветает. Может ли быть посев печальней нашего?.. Да, мы не можем подарить детям вашей беззаботности. Мы, учителя, стараемся дать им все, что в наших силах: рассказываем об огромном вкладе арабов во всемирную историю и



культурную сокровищницу человечества. Рассказываем о наших ученых, философах, зодчих. Еще в эпоху Возрождения Европа получила от арабов большое культурное наследие: мы внесли свой вклад в алгебру, тригонометрию, астрономию, медицину. Задолго до европейцев мы открыли у себя первые высшие школы. Создали обсерватории, библиотеки, больницы. Обо всем этом должны знать наши дети.

Исса был хорошим учителем. Он многое знал, чувствовал, понимал. Как прекрасно он говорил:

— По пути в Вифлеем зеленели когда-то сады, буйные, плодоносные, на ветвях деревьев пели птицы. Иерусалим! Некогда блиставший золотом и мрамором, окруженный садами... А Тир? Сказочный город солнца и моря. Чистые воды Иордана... Что случилось с великой рекой? От нее остался лишь узкий и мутный поток. А храмы? Им не было равных по красоте и величию. Их создал великий народ. И этот народ сионистские лидеры Израиля хотят втиснуть в резервации, какие колониза-

торы устроили для индейцев? Спросите наших детей, что они выберут: жизнь на коленях или смерть?

Исса вслух задал этот вопрос. И все, кто был в этом мчавшемся среди гор автобусе, ответили:

— Смерть!

И тогда Исса добавил:

— Вот видите. Они готовы погибнуть ради своей отчизны. Но ведь умрут не все. Те, кто останется,— победят.

И он заговорил снова, вдохновенно, уверенно и спокойно. В этом спокойствии сквозила глубокая убежденность:

— Без земли нет народа и государства. Но мы отвоюем свою землю, восстановим все, и тогда у нас будут такие же, как и у вас, школы, бассейны, спортзалы, дворцы для детей. В них вырастут образованные, здоровые, умные дети, и тогда они научатся смеяться так же легко и беззаботно, как ваши.

Новелла четырнадцатая

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Они были чуть постарше легендарных веронцев. Ее звали Таня, его — Тайсир. Она училась в Ленинграде, он — в Дамаске. Случилось так, что Таня росла сиротой. Ее воспитывала тетя — мамина сестра. У Тайсира было семь братьев и семь сестер, и он считал себя более счастливым.

— Таня,— сказал он ей однажды,— то, что мы встретились,— сама судьба. Во-первых, имена наши начинаются с одинаковых букв, а во-вторых: ты будешь нашей восьмой сестрой. Восемь братьев и восемь сестер — ведь это так здорово!

Как трогательно была эта юная пара. Им хотелось почаще быть вместе. В автобусе они старались сесть если не рядом, то хотя бы поближе друг к другу. И, если на развилке машину слишком кренило, Тайсир тотчас оглядывался: «Как там Таня?» Если гремел гром, он сразу же смотрел в ее сторону: взяла ли она с собой куртку? Если автобус попадал в рытвину и всех крепко подбрасывало, он тянулся к ней взглядом: не больно, не ушиблась? Если в пути палестинцев угощали персиками, яблоками, он протягивал ей самое крупное и спелое.

А какое это было счастье, если удавалось сесть рядом, плечо в плечо, рука в руке. Тогда им хотелось, чтобы дорога никогда не кончалась. Он перебирал ее тонкие пальцы и говорил:

— Таня почти не ест масла и не любит плов. Это плохо. А еще Таня слишком любит мороженое, а потом у нее болит горло. А когда горло болит у Тани, больно и Тайсиру... Таня мечтает стать художницей, но разве такие тонкие пальцы удержат кисть? Тане нужно есть много плова, потому что ветер может унести ее в море.

Он мог говорить бесконечно, но больше всего любил произносить ее имя, причем выговаривал его точно, без акцента, хотя по-русски говорил еще плохо. Таня смотрела на матовое лицо Тайсира, на четкий рисунок носа и копну курчавых волос, и сердце ее переполняла любовь и нежность. Когда он говорил, все казалось Тане таким доступным, таким осуществимым.

— Я буду архитектором, окончу университет. Потом приеду к тебе в Ленинград. В Ленинграде лучшая школа архитектуры. Я это знаю. И мы вдвоем все увидим снова.



— А потом? — робко спрашивала Таня.

— Потом Таня придет в Дамаск. И, если захочет, останется там.

— Но Таня очень любит Ленинград.

— Тогда я приеду к ней.

...Недаром говорят — счастливые часов не наблюдают. Не только часов, но и дней. Настал прощальный вечер.

По кипарисовой аллее они спустились к морю. Обоим хотелось одного: чтобы ночь никогда не кончалась. Молча сидели они на волнорезе и слушали горячий шепот южной ночи, таинственный стрекот цикад. И тут вдруг впервые в жизни Таню охватила тоска, впервые ее пронзила мысль: а что, если они с Тайсиром никогда не встретятся больше?

Ветер донес слова песни: «Все пройдет, и печаль, и радость...»

«Пройдет ли?» — с горечью подумала Таня.

Коротка летняя южная ночь. Они не заметили, как пролетела она. Наступил час разлуки.

В кипарисовой аллее Тайсир впервые поцеловал Таню — в глаза, и в лоб, как родную. Они разошлись. Каждый уходил медленно, то и дело оглядываясь. Вот растаял в ночи силуэт юноши. Таня устало брела к корпусу. Вдруг тишину разорвал крик:

— Таня!

Она вырвалась из темноты туда, где они только что расстались. Бежала, летела, как птица, не видя, не замечая ни ухабов, ни кочек. А вот и он — мчится, как ветер, навстречу.

— Таня! Я забыл отдать тебе медальон! Внутри мой адрес. Этот медальон подарила мне моя бабушка. Ты вернешь его мне, когда я приеду к тебе в Союз...

У себя в комнате, закрыв дверь на ключ, Таня достала из кармана куртки медальон. На крышке были выгравированы очертания Палестины. Внутри лежала крохотная полупрозрачная бумага. Адрес. По-арабски. И по-русски. Несколько слов: «Прощай, Таня. Люби меня долго. Я приеду к тебе в Ленинград, когда Палестина будет нашей».

Прошел день. Таня не выходила из комнаты. Ей не хотелось ни есть, ни пить, да и видеть никого не хотелось. Лишь вечером следующего дня вышла она в холл, чтобы узнать, что там, в Ливане. С тех пор, что бы ни делала и где бы ни была, Таня рассчитывала свое время

так, чтобы непременно посмотреть программу «Время». В ней почти каждый раз говорили о событиях в Ливане. Если рядом шумели, Таня уходила на другой этаж, чтобы услышать каждое слово, видеть каждый кадр: а вдруг промелькнет Тайсир?

Время шло. Жизнь текла, как обычно, размеренно и спокойно. Тоска и тревога не оставляли Таню. И все же, как ни странно, она жила с ощущением счастья. В ней постоянно звучал, как песня, голос Тайсира:

— Таня, ты меня понимаешь? О, если бы ты чувствовала все, что есть в моем сердце к тебе...

Она мысленно переживала заново все их встречи, все разговоры. Однажды Тайсир сказал ей:

— Я много думал: время ли нам сейчас любить? И решил — да, если в груди запыхает огонь настоящей любви. Любовь будет помогать борьбе.

Она не знала еще, что у ее любви не будет счастливого конца, но догадка сверкнула уже, опалив ей душу: они с Тайсиром не встретятся больше. И чувство стало переливаться в память. Любовь-память...

С нею в сердце надо было работать, учиться, шутить, заниматься зарядкой — просто жить.

Так впервые Таня сама, через собственную радость и боль поняла, как не проста дорога жизни, какие горькие минуты суждены человеку. И какое это благо — жить, любить, страдать. Да, несмотря ни на что, жизнь прекрасна! Только бы не иссякала в человеке радость и жажда жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поставлена последняя точка. Книга окончена. Еще раз, мысленно, встретила я с моими палестинскими друзьями, вспомнила наши беседы. Однажды речь зашла о том, что западная пресса постоянно твердит о нарушении прав человека. Как возмутился тогда Марван.

— Убивать безоружных стариков и детей, сделать заложниками целый народ, лишить израненный город воды, хлеба, электричества, устроить бойню даже в день памяти жертв Хиросимы, 6 августа, сбросить на Бейрут вакуумную бомбу и после всего говорить, что где-то нарушаются права человека? — взволнованно говорил он.

В эту ночь мне было не до сна. Снова видела я палестинцев, их глаза, слышала их голоса.

Яхя Цобхе:

— Мой брат, он уже убит в Бейруте, говорил, что ра-

ксты запускались специально по подвальным помещениям, где прятались люди. Американцы дали Израилю новейшую военную технику, чтобы испытать ее на мирных жителях Ливана. Вначале все засняли с воздуха. Потом данные аэрофотосъемки закладывались в компьютеры, а они наводили ракеты точно в цель. Все, что могло гореть, выжигали фосфорными бомбами.

Джехад Сааси:

— От них страшные ожоги. Я видел таких раненых, когда лежал в госпитале. Вся кожа у человека — сплошная рана. Во время израильского налета меня ранило кассетной бомбой. Этот большой контейнер падает прямо с неба, а в нем снаряды, размером с кулак. И таких снарядов в одном контейнере сотни штук. Они разлетаются в разные стороны. Каждый снаряд разрывается на двести осколков. Эти бомбы изготовлены в Америке.

Араб Салех:

— Моего брата изрешетила насквозь такая бомба, а бабушку сжег фосфорный снаряд. Ей сделали пересадку кожи, и она бы выжила. Но израильтяне окружили Бейрут, не пропускали лекарства. Она просила все время пить... Я выбежал на улицу и выпросил у чужой женщины флягу воды, но когда принес, моя бабушка уже умерла.

Амар Абурашед:

— Наши отцы ушли из Бейрута, чтобы прекратить этот ад. Израильтяне говорили, что уничтожат палестинцев за семьдесят два часа, а не взяли Бейрут и за три месяца. Четырнадцать тысяч палестинцев сражались против стотысячной армии, у которой танки и авиация. Бейрут горел, но не сдавался. Тогда бойцы решили оставить город, чтобы избавить людей от новых страданий.

Яссир Бодави:

— Я не знаю, где мои братья. Они сражались в Западном Бейруте. Мухаммеду девятнадцать, а Мустафе нет и семнадцати.

Саид Юсеф:

— Моих старших братьев убили в Бейруте. Фейсал и Ряд погибли вместе, в один день. Их смерть видел друг нашей семьи. Он рассказал все моей маме. Она ответила: «Саиду тринадцать лет, он скоро отомстит за своих братьев».

Амджад Аббас:

— Я видел, как уезжала первая партия наших палестинцев. Видел, как они поднимались на борт кипрского судна «Г'соргнос». Вначале собрались на стадионе рядом

с арабским университетом. Туда же чуть свет пришли матери, жены, невесты, сестры. Пришли палестинцы, ливанцы, старики, дети. Очень много детей. Они пришли не только проститься с близкими, родными, товарищами по оружию, а расспросить о тех, кого давно уже не видели, о ком не было вестей. У многих — повязки на ранах. Матери плачут... Но все-таки больше в тот день было улыбок, смеха, радости. Все понимали: это первая наша победа. Израильская военная машина забуксовала у ворот Бейрута. Его защитники уходят непобежденными, не сложив оружия. Они уходят, получив гарантии, что будет обеспечена безопасность палестинских лагерей.

Безопасность лагерей беженцев...

Теперь мы знаем, чего стоили гарантии их безопасности, знаем и то, что, не овладев Бейрутом в открытом поединке, агрессор нанес удар в спину. Устроив резню в Сабре и Шатиле, он выдал себя с головой: физическое уничтожение палестинского народа — вот его цель. Запугать народ, потопить в крови волю к сопротивлению, захватить новые земли ливанского народа — эти планы провалились. Началась месть. Она прошла по безоружным старикам, женщинам, детям. Они молили о пощаде. Но их убивали и расстреливали в упор. Бабий яр, Лидице, Хатынь, теперь — Сабра и Шатила. Сорок лет спустя после Бабьего яра история повторилась в еще более зловещем виде. Конечно, можно было бы не думать об этом — утром вставать, умываться, завтракать, спешить на работу — жить, как обычно. Но с тех пор, как я заглянула в глаза палестинских детей, меня не покидает тревога за них.

Не помню, где и когда я услышала слова о том, что главный дар человека — это умение ощущать чужое страдание, как свое собственное. Много людей, наделенных этим даром, встретила я в Артеке. Встретила и подружилась с ними; их любовь, заботу почувствовали и палестинские дети. Марван Абу Гуш сказал мне как-то:

— Брат не всегда бывает другом, но истинный друг — всегда брат. Сколько у нас теперь братьев-друзей — весь советский народ.

Марван не ошибся. Все люди нашей страны с тревогой и болью следят за событиями на Ближнем Востоке. Они солидарны с народом Палестины в его благородной борьбе и верят, что недалек тот час, когда палестинцы вновь обретут свою любимую родину.

